

Николай Веревожкин

РАССКАЗЫ

На днях уважаемый мной человек, прочитав мою последнюю повесть, высказал справедливую претензию. Кончай, говорит, скулить об униженных и оскорбленных. Надоело. Хочется уже чего-то светлого. Ты напиши о человеке, которому захочется подражать, за которым захочется идти. Вот тогда я скажу: молоток!

А я что – против? Да где же его взять?

Думал день, думал другой, перебрал почти всех знакомых и совсем пал духом: не могу, хоть тресни, найти героя для подражания.

Все, думаю, пора завязывать с литературой. Какой смысл рыть туннель без надежды докопаться до света? И вдруг меня озарило: я знаю этого человека! И не одного. Я знаю много, очень много светлых людей, достойных подражания. Просто я их не замечал и, более того, смотрел на них свысока. Причем в прямом смысле этого высокомерного слова.

ЧЕЛОВЕК В РЮКЗАКЕ

Игорю Михайловичу не было еще и четырех лет, когда он приехал к нам в гости с мамой Олей и дедом Витей.

Игорь Михайлович не терпел панибратства и очень расстраивался, когда к нему обращались не по имени-отчеству.

Он, было, сразу принялся обзывать меня дедом, но я эти разговоры пресек, сказав:

– Ну, сам посуди, какой я дед? Вот дед Витя – дед, потому что он получает пенсию. А я пенсию не получаю. Значит, не дед. Давай договоримся, ты будешь называть меня дядей Колей, а я тебя – Игорем Михайловичем.

Это его устроило. Более того, он стал звать меня просто Колей.

Я расценил это как комплимент.

Дед Витя был младше меня на пять лет. Но он жил в России. Более того, в Якутии, районе, приравненном к Крайнему Северу. Он давно получал пенсию.

Я же жил в Казахстане, где на пенсию мужчины выходили в 63 года, особых заслуг перед родиной не имел и поэтому, будучи самым старшим среди братьев

и сестер, оставался самым молодым, косвенно подтверждая теорию относительности Эйнштейна.

Я надеялся, что наше правительство продлит мою молодость еще года на два.

У Игоря Михайловича была очень молодая мама и довольно молодой дед.

Очень мобильные, спортивные, с прекрасным, как у большинства северян, здоровьем.

Каждый день мы совершали небольшие путешествия.

Покатались на горных лыжах на Чимбулаке.

Покатались на коньках на Медео, предварительно купив в «Спортмастере» коньки для Игоря Михайловича. На знаменитом высокогорном катке, где в свое время было установлено 300 рекордов, кроме нас и служителей, никого не было. Служители смотрели на нас с осуждением и за час до закрытия катка стали предупреждать об этом. Коньки Игорю Михайловичу, надо сказать честно, не понравились.

Пошатались по городу, ходили в гости к родственникам. Племянница Светлана вышла замуж за казаха, и нас накормили прекрасным бесбармаком. Игорь Михайлович подружился со своими очень красивыми и музыкальными кузинами, которые устроили для него концерт – пели дуэтом и соло, аккомпанируя друг другу на домбре, гитаре и аккордеоне.

Кстати, по национальности Игорь Михайлович был русским. Но я бы давно ввел такую национальность, как землянин. Посудите сами, дед Игоря Михайловича – русский, хотя в его облике явно проглядывали татарские черты, бабушка, у которой папа был украинцем, а мама немкой, была украинкой, мама Игоря Михайловича – получилась русской. И хотя папа был корейцем, Игорь Михайлович тоже получился русским. Здесь даже теория относительности не внесет ясности. Вот почему я бы назвал Игоря Михайловича землянином.

Потом мы решили сходить в горы.

А как же быть с Игорем Михайловичем? Идти без него в горы не имело смысла. Мы-то по горам уже ходили, а он нет.

Принесли напольные весы, которые тетя Таня прятала под тумбочкой за то, что они склонны были привирать ее вес, и взвесили Игоря Михайловича. Без одежды он весил не больше одной моей гантели.

Я достал из шкафа рюкзак вместимостью в 80 литров и предложил Игорю Михайловичу залезть в него. Другой бы заартачился, а он спорить не стал. Я поднял рюкзак с Игорем Михайловичем и походил по квартире. Мы посетили кухню, спальню, лоджию, зал.

В рюкзаке Игорю Михайловичу понравилось, и на следующий день мы снова ехали в урочище Медео на автобусе номер шесть.

На первый раз мы решили сходить по несложному маршруту – из Медео через небольшой перевал в Бутаковское ущелье, славное своим водопадом, который особенно красив зимой, превращаясь в большую бирюзовую сосульку.

Человек в форме лесника у шлагбаума потребовал с каждого из нас по 500 тенге. На вопрос – за что, он ответил уклончиво – на благоустройство. Что именно собирался благоустроить, уточнять не стал. Но тут из рюкзака выглянул Игорь Михайлович и ничего не сказал, только поздоровался, потому что очень уважал людей в форме. Лесник так удивился, увидев человека в рюкзаке, что пропустил всех четверых всего за 200 тенге.

Шли мы и беседовали о странной манере здешних людей устраивать поборы у каждой калитки и при этом обходиться без квитанций.

Дед Витя спросил:

– Тебе не тяжело?

Игорь Михайлович выглянул из рюкзака и ответил, что еще не устал.

Когда мы поднялись на перевал, Игорь Михайлович перестал участвовать в разговоре.

– Да он спит, – заглянув в рюкзак, сказала мама.

Мы поспорили: будить его или не будить. С одной стороны, сон на свежем воздухе полезен для здоровья, с другой – человек всю красоту проспит.

Игорь Михайлович спал стоя, как лошадь.

Мама забеспокоилась, потому что боялась, что Игорь Михайлович замерзнет во сне. Она сказала, что его нужно разбудить, чтобы он согрелся, немного пройдя по тропе.

Мы ее хитрость сразу раскусили. Она выбилась из сил и надеялась, что Игорь Михайлович, вынутый из рюкзака, слегка сдержит наш темп продвижения.

Когда мы вышли на более-менее ровное место, Игорь Михайлович был извлечен из рюкзака. Но традиционный метод передвижения ему не понравился, и он снова запросился в рюкзак.

Со встречным, кому мы уступали тропу, Игорь Михайлович по обычаю гор здоровался.

– А я все гадала, что это он с таким большим рюкзаком идет, – разговорилась горная дама.

– Большой человек – большой рюкзак, – отвечал я.

– Я, так понимаю, дедушка приобщает внука к горам?

– Это не дедушка, это Коля, – соблюдая договор, обиделся из рюкзака Игорь Михайлович.

Якутян очень удивил, только представьте себе, местный снег. Деда Витя без устали фотографировал его и восхищался: как пух в перине для новобрачных, снежинка на снежинке и не слипаются. Дунешь, а они снова до самого неба взлетают. Мама Игоря Михайловича, слегка отдышавшись, в восторге ныряла в сугробы. Даже Игорь Михайлович, отличающийся сдержанным характером и солидным поведением, не выдержал и запросился из рюкзака – поплавать в снегу.

До водопада мы не дошли, а свернули на тропу, ведущую к бугельной трассе горнолыжного клуба «Водопад». Горнолыжники встретили нас сердечно, за исключением русского спаниеля Тимки, у которого вызвал большое подозрение маленький человек в рюкзаке. Впрочем, Игорь Михайлович легко находил общий язык с незнакомцами и вскоре уже угощал лопухого Тимку бутербродом.

Я вынес из вагончика свои карвинги и предложил покататься дедушке Вите. Но он уступил их Игорю Михайловичу.

Игорь Михайлович снова залез в рюкзак, и мы с ним несколько раз спустились с горки, договорившись, что лет через двадцать-тридцать, когда я стану древним дедушкой, он взаимнообразно покатает меня.

Мы бы катались с ним и дальше, но маме не понравилось, что мы стали прыгать с трамплина и спускаться по неподготовленной трассе между елей, по пухляку.

...В шесть утра 31 декабря Игорь Михайлович запросился в горы. Кататься на горных лыжах.

Тетя Таня сказала: идите, идите, а то будете под ногами на кухне путаться.

В 7.30 мы уже были на остановке «шестого».

Народу было на удивление мало. Сказать точнее, город был безлюден. Вся женская половина Алма-Аты была занята на кухне, вся мужская путалась под ногами. Помимо нас, лишь два старых туриста и три кассирши фуникулерной станции. Большая редкость – свободные места в «шестом». Мы сели, Игорь Михайлович лег на сиденье и сразу заснул.

Мы снова пошли к «Водопаду», надеясь, что наши будут кататься. Но я ошибся. Мы шли по нетоптаной пороше, на которой не было человеческих следов, а только птичьи да звериные.

Хрустальный дым березовой рощи. Припорошенные снегом деревья, поваленные летним ураганом.

Два седых от инея бычка стоят на перевале, вытаращив на нас удивленные и глупые глаза. А спины их струятся паром. Испугались Игоря Михайловича, внезапно выглянувшего из рюкзака, спасаются бегством. Только сошли с тропы – и сразу врюхались в снег по брюхо. Белая собачка лесника тявкает, как оживший снежок.

На нашей трассе – белое безмолвие.

И мы идем на водопад.

Как приятно смотрится припорошенная снегом канавка – намек на тропу.

Мы добираемся до бирюзовой сосульки водопада. Часть ее обвалилась, и она стала похожа на ледяной орган. Сравнение напрашивается само собой из-за утробных звуков падающей внутри ледяных труб по ледяным уступам воды. Если прислушаться, можно даже различить мелодию. Если бы я был композитором, то непременно записал бы ее. Своровал у природы мотив, который непременно стал бы новогодним хитом.

В молчании слушали мы ледяной орган, который играл сам по себе, и думали о том, как прекрасны горы, в которых нет толп туристов.

Себя мы за людей не считали. Мы себя, возгордясь, считали частью природы, какими, несомненно, являются дети вообще и Игорь Михайлович в частности. Такой же частью природы, как тянь-шаньские ели, горный ручей, журчащий под камнями, и барбарис на склоне.

На обратном пути, возвращаясь по своим следам, встретили двух людей – мужчину и женщину.

Мы поздравили друг друга с наступающим, и женщина спросила, далеко ли до водопада. «Час в одну сторону», – ответил я. «Больше, больше», – поправила меня мама Оля. А мудрый деда Витя, удивленный тем, что расстояние в горах измеряется не километрами, а часами, добавил: «Кто как ходит».

– А вы хорошо говорите по-русски, – говорит мужчина, – почти без акцента.

Я благодарно склоняю голову, сильно озадаченный таким комплиментом.

Интересно, что во мне и моих гостях такого уж иностранного?

Губы застыли от мороза?

Ах, да: Игорь Михайлович в рюкзаке.

А может быть, невозможно представить соотечественников 31 декабря шагающих по горам вместо того, чтобы дегустировать напитки?

Для чего написан этот рассказ?

Да так, без особой причины.

Просто, провозжая Игоря Михайловича в Якутск, я подумал: а вспомнит ли он о своих горных приключениях, дожив до возраста, когда его будут называть по имени-отчеству за выслугу лет?

ВАСЬКА ШНОБЕЛЬ И ДРЕВО ПОЗНАНИЯ ДОБРА И ЗЛА

Три городских бандита на черном-пречерном джипе с замазанными глиной номерами приехали в тихо умирающую деревню Новостаровку грабить местную церквушку. Иконы в ней были старинные на темных досках.

А в это же самое время некий белообрый отрок Васька по прозвищу Шнобель воровал в церковном саду яблоки сорта Новостаровская пеструшка. Повторял грех прародителей. Яблоки, кстати, были зелеными и кислыми. Не дозрели на местном древе познания. А впрочем, плоды познания, как правило, почти всегда поначалу бывают несъедобными. А вот интересно, если бы яблоки на том древе познания были твердыми и зелеными, совершили бы Адам и Ева свое грехопадение?

Но не время и не место для подобных рассуждений. Эту философскую проблему обсудим в более мирной обстановке.

Хотя, почему бы и не порассуждать? Есть время, пока три бандита вершат свое богомерзкое дело.

Темная история с этим деревом познания добра и зла.

Подстава.

Соблазнение невинных.

Надо полагать, что только что сконструированные Адам и Ева были по развитию и воспитанию большими детьми и не могли различить добра и зла. Что такое зло? Что такое добро? Понятия не имели. Что они видели, кроме райской дачи и благодати?

Совершая зло, они не могли грешить, поскольку не знали, что совершают.

И вот на самом видном месте райской дачи – дерево.

И им, невинным детям, не знающим, что такое хорошо, что такое плохо, не ведающим греха, даже его совершая, говорят: не рвите яблоки, не ешьте!

Положили на стол конфеты перед детьми: не трогайте!

А сами вышли.

Тронут. Обязательно тронут. Дети.

Спрячь ты это дерево подальше, если хочешь, чтобы дети навсегда оставались в неведении. Зачем дразнить и смущать детей конфетами?

Дети все пробуют на язык. И случилось то, что должно было случиться. Яблоко надкушено. О, ужас! Грехопадение!

А был ли грех? И в чем он?

Каким образом, без ведома всевидящего и всезнающего хозяина, на территории дачи проник мутант – говорящий змий? Но оставим это чудо природы за скобками. Условимся, что это просто метафора. Метафора соблазна.

Грех ли детское любопытство?

Не было грехопадения. Адам и Ева не могли совершить грех, потому что они не знали, что такое добро, что такое зло, что такое грех. И такой ли это грех –

узнать, что такое добро, что такое зло, то есть выйти из состояния невинного животного?

Грех совершил тот, кто соблазнил их, кто заманил в ловушку.

Тот, кто оставил детей один на один с коробкой конфет.

Кто, кто? Змий, конечно.

Темная история, темная.

Пока Васька Шнобель совершал свое грехопадение, бандиты зашли в церковь под предлогом помолиться и покаяться в грехах. Помолившись, связали по рукам и ногам престарелого батюшку и заткнули ему рот тем, что под руку подвернулось. А подвернулось полотенце, вышитое крестиком. Единственно, что успел сказать батюшка: «Побойтесь Бога! Ибо воздастся по грехам вашим!». Но Бог для бандитов не был авторитетом.

Ваську прозвали Шнобелем не потому, что он обладал носом выдающихся размеров или имел какое-то отношение к литературному герою Николая Васильевича Гоголя, а потому, что он свой любопытный нос довольно незначительных размеров совал всюду, куда его не просили.

Казалось бы, выносят незнакомые дядьки иконы из церкви, какое тебе до этого дело? Прояви интеллигентность, сделай вид, что смотрел в другую сторону. Причем это же в твоих интересах. Радуйся, что тебя на чужой яблоне не заметили.

Но Васька ни интеллигентностью, ни скромностью не отличался. Скверный был у него характер. Шершавый. Одно слово – хулиган. Вынул он из-за пазухи незрелое новостаровское яблоко граммов на триста, свистнул и запустил его. Да так ловко, что поразил самого здорового бандита, оглянувшегося на свист, прямо в нос. Яблоко ударилось об, условно говоря, лицо бандита с сочным, приятным звуком. Но не разбилось, а отскочило и покатилось, подпрыгивая, по ступеням деревянного крыльца.

Яблоко не разбилось, а вот нос расквасился. Мордастый бандит взревел, выронил из рук поленницу окровавленных икон и, зажав травмированный нос ладонью, не помня себя от ярости, бросился за Васькой. Планета сотряслась под его ногами и едва не сошла с орбиты.

Все было внушительно и свирепо в бандите. Особенно мощно раскачивающееся пузо.

А у Васьки живота вообще не было. Одни яблоки за пазухой.

Пробежав метров пятьдесят, здоровяк с расквашенным носом понял, что преимущество в весе имеет наряду с достоинствами свои недостатки. Обозвав Ваську словами, которые не принято говорить вблизи церкви, он вернулся к оброненным иконам.

А Васька последовал за ним на безопасном расстоянии.

В это время, сгибаясь под тяжестью старинных икон, из церкви вышел тощий бандит. Тощий, как доска-сороковка.

Васька достал из-за пазухи новостаровскую пеструшку и снова запустил, но уже без свиста.

Видимо, в этот день руку его направляло само Провидение.

Яблоко хрястнуло тощего в лоб. И в этот раз разлетелось на осколки, как ручная граната. Тот так и рухнул. Секунд двадцать лежал он, придавленный иконами, полагая, что из раскроенного черепа вытекают мозги. Но разобравшись с помощью

мордастого, что к чему, он исторг из чрева своего богомерзкие слова и бросился в погоню за метателем пеструшек, обещая оторвать Ваське голову, руки и другие выдающиеся части тела.

Ноги у тощего бандита были сухие и длинные, как черенки от граблей. Заметно длиннее Васькиных. Но Васька был аборигеном и хорошо знал местность, прилегающую к поповскому саду. Аки дух бестелесный, прошел он сквозь забор из неошкуренного горбыля, а тощий бандит, несмотря на свою худобу, застрял в заборе. Лещом в мелкоячейстой сети.

А Васька, пользуясь беспомощностью преследователя, не спеша прицелившись, впел в упор контрольное яблоко. В правый глаз. Ой, как это больно! Ой, как обидно!

Единственный грабитель, которого еще не настигла кара, призвал контуженных товарищей к хладнокровию. Он уложил в багажник оброненные иконы, втолкал бранящихся и стонущих подельников в салон машины и, сев за руль, покатил вон из негостеприимной Новостаровки.

Да недалеко укатил.

Из-за забора, укрывшего метателя ворованных яблок, вылетел обломок закаленного кирпича местного производства. Описав красивую дугу, он пал на лобовое окно джипа. А кирпич, между нами, это не яблоко. Стекло тут же, приятно захрустев, покрылось мелкой сеткой трещин. Как бы затуманилось от мороза.

Красиво-то красиво, но смотреть через такое стекло на дорогу совершенно невозможно.

– Убью, – сказал водитель.

Да так тихо и спокойно сказал, что ему можно было поверить.

Три дверцы одновременно распахнулись, три бандита выскочили из ослепшего джипа и бросились к глухому забору. Но ничего в мире нет крепче новостаровских заборов и неуловимей новостаровских отроков.

А что может быть хуже неудовлетворенной ярости мстителей?

Да ничего не может быть хуже.

Никогда еще со времен основания деревня Новостаровка не слышала такого хорового сквернословия.

Но, в конце концов, выдавили бандиты лобовое стекло, бросили его в канаву и, дыша чистым деревенским воздухом, покатали прочь.

Да недалеко укатали. Вдруг видят – какая наглость! – дорогу, как поется в одной замечательной песне, гуси переходят важно. А среди этих упитанных холмогорских шипунов – метатель кирпичей и зеленых яблок.

Взревел джип, взрыл всеми четырьмя колесами скудную новостаровскую почву. Домашние гуси, гогоча от ужаса, обрели утраченную способность к полету и тяжело поднялись на крыло.

А Васька шмыгнул в переулочок.

По этому переулочку частенько в дождь и слякоть ездил к своему дому на своем «К-700» Степан Перелазов. А потому для современных скоростных видов транспорта дорога была непроезжей. Но только поздно дошло это до затуманенных жаждой мести мозгов бандитов. Да и сколько там было этих мозгов?

И вот вообразите такую картину. Васька Шнобель, засунув руки в брюки и насвистывая «В нашу гавань заходили корабли, большие корабли из океана», перепрыгивает через колеи, глубокие, как фронтальные траншеи. Как бы в «классики»

играет. А за ним, рыча озверевшим мотором, елозит брюхом по окаменевшей новостаровской глине иностранный джип. Шуршит и скрежещет. А Васька скачет мелкой блошкой с колдобины на колдобину и почти не оглядывается. Лишь иногда остановится, достанет из-за пазухи яблоко, надкусит и, поморщившись, швырнет, надкушенное, в лобовое стекло джипа. А лобового стекла-то и нет. Только успевай уворачиваться. А колея такая, что вывернуть из нее невозможно. Да и куда вывернуть? Слева – плетень, справа – плетень.

У дома Степана Перелазова бездорожье кончилось, и джип, пустив тигра в мотор, помчался черным метеором за растворившимся в деревенском пейзаже светлым отроком Васькой Шнобелем. Взлетел, громыхая раскатистыми громами, на накатанный холмик и, как с трамплина, нырнул в накопитель коровьего навоза. Большую компостную яму глубины неизмеренной.

Да с таким смачным чпоком, с такими ошметьями во все стороны света! С таким, извините за правду жизни, троекратным матом!

Бандиты не имели привычки пристегиваться ремнями безопасности и непременно разбились бы о лобовое стекло. Но, к счастью, лобового стекла не было.

Катапультировавшись, они ласточками, с приятным чавканьем нырнули в обильный навоз новостаровских коров. Ничего не могу сказать о надоях молока, но на навоз новостаровские коровы были очень щедры. Хорошая вещь этот навоз в смысле плодородия полей. Лучше любого гуано.

Впрочем, гуано оно и есть гуано.

Вынырнули три бандита из навоза и к твердой суше поплыли, отфыркиваясь. Зелено-коричневые, видом мерзкие, как пришельцы из космоса. Подплывают. И что же видят? Стоит у кромки навозной ямы стопятидесятикилограммовый и сильно усатый милиционер в звании старшины. Левой рукой он зажимает нос, правой отдает честь и говорит гнусавым басом:

– Участковый Тарара. Прошу предъявить документы.

За его спиной четыре поджарых скотника с вилами и пять доярок – руки крестнакрест на груди. Каждая по телосложению участковому не уступит. На чистом воздухе и парном молоке воспитаны.

А в отдалении, как бы сбоку-припеку, стоит белобрысый пацан с остатками ворованных яблок за пазухой. Он тоже отдал честь, но представляться не стал, а, напротив того, тихо, как говорят у нас в Новостаровке, по-английски удалился.

Что интересно: ни одна икона в этой аварии не пострадала. Джип-то носом в яму нырнул, а багажник даже не забрызгало. Напротив, когда иконы вернули на место, многие из них начали благоухать и мироточить.

Освобожденный от пут батюшка сказал: руку отрока Василия направляли небеса.

Но причислить Ваську к лику святых и даже праведников не стали.

Святые и праведники свой нос, куда не надо, не суют, по чужим садам-огородам не шастают, и по поведению у них тройки не бывает.

Земная судьба бандитов, так неудачно ограбивших Новостаровскую церквушку, неизвестна. Раскаялись ли в содеянном, нет ли? А если раскаялись, чистосердечно ли? Но, скорее всего, попадут они прямёхонько в ад. Правда, ад после новостаровского навоза покажется им не таким уж страшным.

ПЕЙЗАЖ В МРАЧНЫХ ТОНАХ

Во дворце культуры города Н. открылась выставка работ алма-атинского художника Л.

К художнику, человеку с телосложением и внешностью викинга, подошла полноватая молодая женщина с худенькой, робкой девочкой. Высказав живописцу ожидаемые комплименты, она сказала:

– Моя дочь любит рисовать. Но в нашем городе нет профессиональных художников, с кем бы мы могли посоветоваться. Можно ли воспользоваться редкой возможностью и показать вам ее рисунки?

Художник коротко кивнул головой, как бы поступил на его месте в общении с дамами дворянин или воспитанный офицер, и, обращаясь к девочке, сказал:

– Почему нет? Буду рад, коллега, ознакомиться с Вашим творчеством. Приходите завтра с мамой в гостиницу и приносите свои работы.

В назначенное время они пришли, и мама достала из хозяйственной сумки папку для деловых бумаг. С тесемочками.

Художник предложил гостям чаю, от которого они отказались. И правильно сделали. Чай был второго сорта и для чайных церемоний не годился. Представив себя на месте юной художницы, живописец развязал петельки картонной папки и принялся со вниманием рассматривать акварели.

– Кто-то ставил руку девочке? – спросил он.

Мама подтвердила: да, действительно, некоторое время назад в городе жила художница-энтузиастка. Вела изостудию для школьников, которых сама отобрала. Но в нашем городе талантливый человек надолго не задерживается. Многие любят провинцию, но редко кто выносит провинциальные нравы и особенно провинциальное начальство.

– Что я могу сказать. Ребенок, несомненно, способный. Одно меня смущает: отчего такой странный колорит?

Это было еще мягко сказано. Мрачные, зловещие цвета мунковского «Крика» порой сгущались до закатов апокалипсиса.

Мама широко раскрыла глаза, требуя дальнейших объяснений, а девочка удивилась:

– Почему странный? Красиво.

Художник подумал: вполне возможно, у ребенка нарушено цветоощущение. Возможно, именно так она видит мир. А я тут со своим мнением наступаю на большую мозоль. К тому же он не любил критиков и сам не терпел быть судьей.

– А впрочем, очень выразительно, – сказал он.

И, пожелав юной художнице больше работать над собой, распрощался с гостями.

Через некоторое время организаторы выставки повезли художника «на природу», в дом отдыха у небольшого водохранилища, в зеленый оазис, который местные называли, естественно, Швейцарией. Город был построен возле градообразующего предприятия среди сопok в полупустынной зоне.

Был май. Отвлекаясь от разговоров, художник, родившийся в горах и долгое время живший у моря, мельком смотрел в окно микроавтобуса, и каждый раз его неприятно волновала бледная зелень сопok, густо присыпанных красной пылью. «Бокситы, – кратко объясняли хозяева, – западный ветер».

Возвращались вечером. Дул западный ветер. Закат переливался зловещими цветами апокалипсиса, на фоне которого «Крик» Мунка выглядел бы невероятно жизнерадостным полотном.

«Так вот в чем причина странного колорита акварелей юной художницы! – подумал художник. – Девочка, родившаяся и живущая в этой индустриальной пустыне, просто не видела других красок, кроме этого марсианского ужаса. Но как точно передала она это настроение чужой планеты. Ребенок действительно талантлив».

Вернувшись в свою мастерскую, художник порой думал написать поразивший его мрачностью пейзаж преддверия ада. Но не стал. Не видел в этом смысла.

КОТЕНОК ФЕДОР КРАНОВОЙ

Ближе к вечеру пятиклассница Галя Зубарева пошла погулять с котенком в тайгу.

В тайгу? С котенком?

Ах, да! Прежде нужно было бы сказать, что Галя живет в Западной Сибири, в городке Покачи. От подъезда ее дома до школы сто метров, а до тайги и того меньше. Только через дорогу перейти.

Там везде тайга.

Сверху тайга напоминает проеденный молью зеленый палас: вся в голубых дырах озер, проплешинах болот и изгибах рек.

Где бы еще гулять Гале, как не в тайге? Не в школе же?

А в городе не погуляешь. Уж больно много бездомных собак. Приезжая на север, люди заводят домашних животных, а уезжая, бросают их на произвол судьбы. Нехороший обычай.

Но о собаках в другой раз.

Котенка Галя подобрала на улице. Отбила от бездомных собак. Был он весь черный. Белыми у него были лишь щеки да лапки. И был он похож на африканца в медицинской маске и белых тапочках.

Галя вела его на поводке, как собачку.

Надо сказать, что тайга вблизи городка не так дика и девственна, как хотелось бы. Здесь по выходным и праздникам любят отдыхать горожане. Жарить шашлыки и пить пиво. Но они не любят убирать за собой. Одно спасение тайге от людей – комары да мошка. Перепуганных нефтяниками медведей горожане давно не боятся.

Но в тот день ни медведей, ни комаров и мошек в тайге не было. Сосны продувал ветерок и было довольно прохладно. Комары и мошки, хотя тоже сибиряки, холода не любят. А медведи искали места под берлоги подальше от городка.

Среди кострищ на месте пикников гулять было не очень-то приятно, и Галя с котенком прошли чуть дальше, где серебряные мхи не были завалены мусором, а кора на стволах сосен не обожжена кострами.

Им повстречалась соседка, выгуливающая пса.

И хотя пес был знакомым и сам ростом с кошку, котенок его испугался, вырвал из рук Гали поводок и вскарабкался на сосну.

Ствол у сосны был прямым, как телеграфный столб, а ветви росли на самой макушке.

Галя, соседка и соседский пес бегали вокруг сосны и уговаривали котенка спуститься на землю. Но тот лишь жалобно пищал.

Галя, оставив караулить котенка соседку и пса, побежала за помощью.

Куда? Что за вопрос? Конечно, к маме.

Мама как раз возвращалась из продуктового магазина с большой хозяйственной сумкой, из которой торчали перья зеленого лука.

Стали мама с Галей и соседка хороводить вокруг сосны, разнообразными посылками соблазняя котенка спуститься вниз. Песик тоже бегал вокруг сосны и так дружелюбно размахивал хвостом, что его заносило из стороны в сторону. Звали его, как и половину собак в городке, Найденьшем.

Дело осложнялось тем обстоятельством, что котенок в семье Зубаревых появился недавно. И ему еще не придумали имени. Папа дразнил его Отелло, мама звала Найденьшем. Придумала тоже: кликнешь – собаки со всего города как раз и сбегутся. Галя еще не решила, какое имя дать котенку, и обращалась к нему просто: кис-кис!

– А может быть, он собаку боится? – предположила мама.

– Найденьша? – удивилась соседка. – Да что его бояться. Он и мухи не обидит.

А сама обиделась за песика и отошла в сторонку, посоветовав:

– Так вы его не выманите. Надо бы лестницу принести.

– У нас только стремянка, – сказала Галя, – а где такую большую лестницу взять?

– У строителей, где же еще, – ответила соседка, – да поторопитесь: скоро дождь начнется. Идите, мы с Найденьшем покараулим вашего котенка. Нам все равно еще полчаса гулять.

Строители, узнав о беде, стали смеяться на все лады. Кто басом, кто тенором или приятным баритоном. А кто-то хрюкал поросенком.

Но бригадир прервал веселье:

– Чего ржать? У людей беда. Надо людям помочь. У меня вот тоже случай был...

Ладно, в другой раз расскажу. Где крановщик? Позовите. Он большой мастер по стреле на сосны лазать, кедровые шишки собирать.

Крановщик оказался мужчиной суровым и молчаливым. От него несло дизтопливом и прочими нефтепродуктами. Пригласил он маму и Галю в свою кабину, чтобы они путь указали.

Доехали только до места первых пикников. Дальше стрела мешала развернуться среди сосен.

– Вы здесь по стойте, а я слетаю за Женькой-верхолазом.

Женька-верхолаз произвел на Галю сильное впечатление: исцарапанная каска, широкий пояс с цепью, кошки на плече, сам рыжий, весь в конопушках:

– Показывайте сосну.

А уже вечер подкрался незаметно. Соседка с псом, отстояв обещанные полчаса, покинули пост. Вроде бы эта сосна. «Кис-кис!» Молчит сосна. Тогда эта. «Кис-кис!» И сосна жалобно отвечает: «Мяу!» А какая сосна – та, что слева, или та, что справа – не поймешь.

Дождь заморосил. Полез Женька-верхолаз на сосну, которая ему больше понравилась. Долез до середины и предупреждает:

– Ну, если на этой сосне котенка нет, я вас обложу. Такая уж у меня привычка.

Обложи, обложи, только спаси безымянного котенка. Ночь скоро. Посиди-ка всю ночь под дождем на дереве.

Вдруг сосна сотряслась, наверху послышались звуки возни, и сквозь ровный шум дождя раздался голос Женьки-верхолаза:

– Еще и царапается, зараза!

Обложил-таки.

Немного погодя с неба донеслись слова, полные удовлетворения:

– Поймал.

А чуть позже в этом же голосе появилось сомнение:

– Как же мне спуститься с одной рукой?

– А ты его за пазуху сунь, – посоветовал крановщик.

– Какой-то он у вас дикий, – дивился поведению котенка Женька-верхолаз, – вы что, вешать его в тайгу вели? Веревка какая-то болтается. На ветку намоталась.

– Это не веревка, это поводок, – объяснила Галя, – чтобы он в тайгу не убежал.

– Бросай, – говорит крановщик, – мы его в плащ поймаем.

Растянули брезентовый плащ. Крановщик с одной стороны держит, мама с другой.

Прицелился Женька и бросил котенка. Да глазомер его подвел. Промазал. С дурным ором пролетел котенок мимо плаща и всеми четырьмя лапами ухнулся в хвойный настил.

– Держи парашютиста!

Куда там. Вскочил, побежал, врезался в колесо крана и с перепуга снова вскарабкался на ближайшую сосну. Искурили крановщик и верхолаз по сигарете, обсуждая сложившуюся ситуацию. Галя вокруг сосны бегаёт, котенок жалобно пищит. А мама умоляет строителей:

– Вы уж снимите его, а мы вас отблагодарим.

– Это уж само собой, – отвечает Женька-верхолаз, но лезть на сосну не желает.

Больно уж кривая. Залезть, может быть, и залезешь, а как слезть? Будешь всю ночь вместе с котенком на одном суку мяукать.

– Вот что мы сделаем, – говорит крановщик, – я краном вон в ту ветку упрусь, а ты, Евгений, по стреле и поднимешься. А котенка можно в сумку спрятать, а сумку к ремню прикрепить.

Но Женька-верхолаз заартачился. В тайге, говорит, много деревьев, на все не перелазает. Еще, говорит, я по ночам в дождь по стреле не ходил.

Махнул на него крановщик рукой и спрашивает:

– У тебя циклоп работает?

Циклоп – это не джин из кувшина. Циклоп – это такой налобный фонарик.

Подогнал водитель кран поближе к кривой сосне. Поднял стрелу и уткнул ее, куда хотел.

– Может быть, не надо? – заволновалась мама. – Дождь, скользко, темно. Не дай Бог, сорветесь.

Но крановщик сказал сурово:

– Котенок – тоже существо. Вы мне лучше сумочку дайте.

Мама выгрузила из хозяйственной сумки пакеты с продуктами. Привязал крановщик сумку к ремню. Надел каску верхолаза, включил циклопа и полез по мокрой стреле к котенку.

Не буду подробно описывать подвиг. Это может травмировать психику впечатлительных читателей. Скажу только, что на этот раз все обошлось благополучно. Хотя и волнительно.

– Ну ты и дурак, – сказал в восхищении Женька-верхолаз, – сам дурак, видел дураков, но не знал, что такие дураки на свете бывают.

Галя прижала к себе мокрого котенка, а мама, порывшись в кошельке, достала из него денежку и протянула ее крановщику со словами:

– Большое вам спасибо! Вот возьмите.

Сурово посмотрел на денежку крановщик и спросил:

– За что?

– Как за что? – удивилась мама. – Вы спасли жизнь нашему котенку.

– За спасение жизни деньги брать неприлично, – ответил крановщик.

А Женька-верхолаз крякнул, возмутившись. Но, собрав волю в кулак, промолчал.

– А как Вас зовут? – спросила Галя крановщика.

– Федор Крановой, – ответил крановщик.

– А можно мы в Вашу честь назовем нашего котенка? – спросила Галя.

Федор Крановой с сомнением посмотрел на котенка – достоин ли такой чести? – и сурово ответил:

– Можно.

И они уехали с Женькой-верхолазом. А мама с Галей и котенком пошли домой.

Здесь бы и надо поставить точку. Но история на этом не закончилась. На следующий день купила мама коньяк, круг сырокопченой колбасы, сыр, редиску, лук, огурцы, и пошли они с Галей к строителям – отблагодарить Федора Кранового.

Смотрят: бежит от вагончика навстречу Женька-верхолаз:

– Где вы так долго? Ждем, ждем, все глаза проглядели.

Схватил пакет и побежал к вагончику. Мама вслед только и успела, что крикнуть:

– Вы уж передайте спасибо вашему бригадиру и Федору Крановому.

– Передам, передам, – пообещал на бегу Женька-верхолаз.

А котенка с тех пор в честь героя-спасателя стали именовать Федором Крановым.

Вырос Федор в большого толстого кота. От прочих животных его породы он отличался обостренным чувством собственного достоинства и талантом метеоролога.

Промокнув в далекой юности на сосне, он обрел дар предсказателя погоды.

Вот, допустим, небо чистое, ветра нет, телевизор обещает ясную погоду, но кот Федор Крановой спрыгивает с подоконника на пол и по-пластунски заползает под диван.

Быть дождю.

Даже не сомневайтесь.

А в ясную погоду Галя с Федором все так же ходят на прогулку в тайгу. Только папа к поводку пришел суровой ниткой темляк от старой лыжной палки. Теперь кот Федор Крановой на сосну не вскарабкается. Разве что вместе с Галей.

ПЕРВЫЙ ПОДВИГ

Вот вы говорите: героями не рождаются.

Заблуждаетесь, однако.

Я знаю человека, который, можно сказать, родился со Звездой Героя и совершил свой первый подвиг, еще не научившись ходить. Вот кому следует подражать, за кем хочется идти (ну, хорошо – ползти) в светлое будущее.

Конечно, найдутся скептики, которые не поверят мне. Скажут: все это художественный вымысел, а проще говоря, вранье.

Ничего я им на это не отвечу, а просто достану из кармана телефон и покажу документальную запись подвига.

Бауржану – таким героическим именем нарекли первенца родители – не исполнилось еще и года, когда тетушка подарила ему мягкую игрушку – ослика размером с табурет.

Она-то думала: милая зверушка племяннику понравится, и он будет спать с ней в обнимку. Но ослик Бауржана напугал. Его страх позабавил тетушку. Она стала подталкивать ослика к Бауржану. Тот отползал на четвереньках и сердито фыркал. Но ослик все наступал, пока не вытеснил Бауржана в смежную комнату.

Надо признать, взрослые тоже порой испытывают страх. Но этот страх – лишь малая доля вселенского ужаса, который испытывают бессловесные дети, еще неспособные разобраться в причинно-следственных связях. Природа настолько мудра, что, вырастая, мы забываем свои детские страхи. И лишь в кошмарных снах иногда они навещают нас.

И вот какое испытание для малыша придумали коварные родственники, забывшие свои детские страхи.

Представьте себе: мама сидит на диване и зовет сына слабым жалобным голосом: «Баука, Баука, помоги мне! Спаси от ослика!»

А чудовище стоит в проеме двери и смотрит, не мигая.

Бауржан подползет к нему, ужаснется и даст задний ход.

Страшно. Но маму надо спасать. Принялся Бауржан грозно гукать на пришельца и махать на него рукой. А чудовище не уходит. Смотрит большими, темными, очень наглыми глазами и зловеще молчит. Другой ребенок сел бы на пол и заревел так, что соседи застучали бы всем, что попадет под руку, в пол, потолок, стены и батареи отопления. Но в маленькой груди Бауржана билось большое сердце Геракла, который еще в колыбели задушил двух змей, посланных ревливой богиней Герой на его погибель. Всего и разница, что Геракл – миф, а Бауржан – вот он, живой, никем не придуманный.

Зажмурил Бауржан глаза, нагнул лобастую голову, как бы собираясь бодаться, и пополз. Протиснулся между косяком и страшным осликом, дополз до мамы и только тогда открыл глаза.

Потрясенный подвигом читатель, конечно же, захочет узнать о дальнейшей судьбе героя.

Что могу добавить? Не многое.

Осмелев, Бауржан запихал ослика под диван и никому не позволил извлечь его оттуда.

Спустя несколько месяцев наш герой встал на ноги. Заложив руки за спину, степенной походкой хозяина ходит по квартире, все внимательно осматривает и, обнаружив малейший беспорядок, тут же принимает меры: двигает стулья на положенные им места, выравнивает обувь в прихожей, подбирает пылинки с паласа. Если не хватает сил передвинуть тяжелую мебель, призывает исправить недочет взрослых. Говорить он еще не умеет и для общения с родственниками использует перст указующий. То ли еще будет, когда человек обретет дар речи.

За эту похвальную привычку к порядку и строгий нрав родственники зовут его Завхозом.

КУЛОН ИЗ ГИЛЬЗЫ

Наш фотокор сидит перед экраном компьютера, листает снимки из архива. Выписывает в блокнот отобранные для выставки кадры. Тяжело вздыхает и время от времени что-то сердито бормочет.

– Что вздыхаешь, Боря?

– Да вот фотографии к репортажу «Кулон из гильзы» смотрю. В прошлом году снимал. О детях из хосписа на стрельбище. Ребята из стрелкового клуба им праздник устроили.

– Такие веселые, счастливые. Даже не верится, что тяжело больны.

– Безнадёжно больны, – поправляет меня Борис, – рак. Я только что вернулся из хосписа. Видишь эту девочку с пейнтболом? Уже нет в живых. Вообще из этих счастливых мальчиков и девочек никого нет в живых. Никого.

– Боже, как страшно! – встрепелась внештатный корреспондент Гульнара, оторвавшись от своего блокнота.

– Это не самое страшное, – возразил Борис.

Гульнара была начинающей журналисткой, и ее сердечко не было еще тронуту цинизмом.

– Что может быть страшнее этого? – воскликнула она.

– Самое страшное то, что государство выделило деньги на лечение этих детей, но деньги не дошли до них, – ответил Борис, как мне показалось, без эмоций.

То, что хотел сказать я, при женщинах говорить нельзя.

Я промолчал.

Мир, лишенный смысла, онемел.

И в этой холодной, неприятной тишине шариковая ручка, которой фотокор, старый циник и балагур, отмечал нужные файлы, треснула. Неожиданно и страшно, как трескается в лютый мороз телеграфный столб.

